

Однако среди всех новичков именно Цяо Юаньлинь был тем, кто больше всего подходил для этой работы. При слабом здоровье он обладал сильной волей, был умен и по-своему упрям. Впрочем, все начинающие журналисты такие: их истинные принципы и профессиональный долг раскрываются только в деле.

Сунь Чжо произнес:

— В тебе чувствуется какой-то внутренний стержень, совсем как в твоей матери.

Цяо Юаньлинь ответил:

— Она всегда была для меня примером.

— Но все же вы не совсем одинаковые, — Сунь Чжо едва заметно улыбнулся. В его похвале читалось предвкушение. — Возможно, ты станешь даже лучше, чем она.

Вдохновленный его словами, Цяо Юаньлинь заверил:

— Буду стараться, чтобы ученик превзошел учителя.

Сунь Чжо взглянул на часы — пора было идти. Проходя мимо, он на мгновение задержался и добавил:

— Человеку не так уж необходимы кумиры. Настоящий внутренний двигатель — это мерило, установленное собственной совестью.

Цяо Юаньлинь слегка опешил. В его представлении Сунь Чжо был исключительно практиком и редко пускался в рассуждения или делился жизненной мудростью с подчиненными. Пока он раздумывал над его словами, Сунь Чжо похлопал его по плечу и пошел дальше.

— Шеф, — окликнул он его в спину. — Вы ведь перевели меня на двенадцатый этаж не в качестве наказания, верно?

Сунь Чжо обернулся:

— А сам ты как думаешь?

Цяо Юаньлинь думал об этом не раз, и в эту секунду ответ стал предельно ясен. Если он опустит руки и поплывет по течению — это наказание. Но если он станет «зубаткой», которая расшевелит это полусонное болото и пробьет себе дорогу к свету, то это настоящее испытание.

Он произнес негромко, но твердо и веско:

— Чем именно это станет, решать мне.

Сунь Чжо посмотрел на него, скрывая одобрение за бесстрастным лицом:

— Работай как следует. — Но тут же нахмурил свои густые брови: — Только скажи: ты это нарочно или по невнимательности?

Цяо Юаньлинь внутренне подобрался:

— А что не так?

— Один раз в интервью с офицером Чэном, второй — в Деле о виагре, — стал перечислять Сунь Чжо. — Ни во вступлении, ни в титрах ты не вставил слоган программы.

Цяо Юаньлинь брезгливо поморщился:

— Да он же жутко нелепый. И какой только чудак его выдумал?

«Сяо Да берется за дело — за двоих работает смело!» Вообще-то Цяо Юаньлинь подозревал, что этот слоган сочинил Бао Чуньшань, но спросить не решался: не хотелось выслушивать ругань и скончаться от инфаркта прямо на рабочем месте.

Взгляд Сунь Чжо стал загадочным и глубоким:

— Этот слоган придумал я.

Цяо Юаньлинь обомлел:

— Вы?!

Перед тем как уйти, Сунь Чжо обронил:

— В свое время первым главным редактором программы «Бадатун» был я.

С приходом осени темнело рано, и к восьми часам вечера на небе не оставалось даже блеклого отсвета зари. Лян Чэн закончил работу позже обычного и приехал к телестанции на полчаса позже, чем договаривались.

Цяо Юаньлинь ждал его у входа, устроившись прямо на двух коробках апельсинового сока, выданных редакцией. Он уже все распланировал: будет брать по бутылке с собой на работу, а дома пить не станет — от греха подальше, чтобы снова не заставили мерить сахар в крови.

«Мерседес» плавно припарковался. Лян Чэн вышел помочь ему с коробками и, случайно повернув голову, заметил выходящего из здания Лэй Цзюньмина.

Цяо Юаньлинь поспешно юркнул в салон, чтобы избежать малейшей неловкости. Лян Чэн обошел машину, сел на водительское место, плавно тронулся и выехал на проспект, напоследок еще раз бросив взгляд в зеркало заднего вида.

Из динамиков зазвучала песня «Прогулка вдвоем» — как нельзя более в тему. Пытаясь отвлечь Лян Чэна, Цяо Юаньлинь спросил:

— А ты слышал песни «Прогулка вдвоем» или «Прогулка вчетвером»?

— Не слышал, — отозвался Лян Чэн и тут же спросил в лоб: — Ты ему отказал?

Вопрос был задан слишком прямо. Цяо Юаньлинь немного растерялся, прежде чем ответить:

— Угу.

Лян Чэн спросил снова:

— И как именно ты отказал?

Этот допрос напоминал извечные вопросы вроде «Ты хоть понял, где ошибся?», от которых

раскалывалась голова. Цяо Юаньлинь нехотя ответил:

— Ну, я просто сказал, что мы не подходим друг другу.

— Не подходите? — Лян Чэн понимал, что такая формулировка грозит бесконечными проблемами в будущем. — Ты уверен, что он сдался? Нужно было резать по живому: сказать, что не нравится, что шансов нет и вообще это исключено.

Цяо Юаньлинь буркнул:

— Ты думаешь, все могут быть такими же безжалостными, как ты?

Лян Чэн промолчал, чувствуя свою неправоту. Он снял руку с руля и протянул ладонь к пассажирскому сиденью. Цяо Юаньлинь легонько шлепнул его по тыльной стороне ладони и проворчал:

— Мы еще даже встречаться не начали, а ты уже меня контролируешь.

Они проехали молча еще три квартала, прежде чем Лян Чэн произнес:

— Извини.

Цяо Юаньлинь ощутил приятное чувство превосходства, но решил не перегибать палку:

— Ладно, проехали.

Лян Чэн спросил:

— А когда примерно ты планируешь согласиться? Чтобы я подготовился заранее.

Цяо Юаньлинь прижал ладонь к щеке, словно у него разболелся зуб, пытаясь скрыть довольную улыбку, и высокомерно выдал:

— Вот когда стану главным редактором, тогда и сойдемся. Устрою себе двойной триумф — и в любви, и в карьере.

Лян Чэн решил больше не дразнить его. В этот момент на телефон поступил звонок от Цяо Вэньюаня.

За последние пару дней заметно похолодало, и Цяо Вэньюань предложил поужинать хого. Все были загружены работой, готовить дома после смены не оставалось сил, а заодно стоило обсудить покупку услуг домработницы или приходящей помощницы.

Цяо Юаньлинь мысленно усмехнулся. После развода отец оставался один лет семь-восемь. Он выстроил карьеру, но в душе, должно быть, страдал от жуткого одиночества. Теперь же, женившись во второй раз и вновь ощутив тепло домашнего очага, он превратился в законченного домоседа.

Владельцем заведения хого оказался сычуанец — стоило войти, как в нос ударил резкий пряный аромат специй. Цяо Вэньюань и Хэ Цзе приехали одновременно с ними и теперь, тесно прижавшись друг к другу, увлеченно изучали меню.

Цяо Юаньлинь подошел к ним, прижимая к себе четыре бутылки сока. Неловкость, мешавшая ему во время свадьбы, куда-то испарилась. Глядя на эту семейную идиллию, он почувствовал

покой и умиротворение.

Хэ Цзе подняла взгляд и улыбнулась:

— А вот и Юаньлинь. Пусть Юаньлинь выбирает.

Цяо Юаньлинь расплылся в улыбке:

— А платит кто?

— Я плачу, — отозвался Цяо Вэньюань. — Что, решил обобрать родного отца?

Цяо Юаньлинь фыркнул:

— А вам жалко? Многоуважаемый главврач Цяо, вы ведь обещали купить мне машину. И где она? «Мерседес» слишком приметный. Прежде чем я взлечу на самую вершину карьеры, ваша машина, боюсь, так и останется в проекте.

У Цяо Вэньюаня от возмущения очки сползли на кончик носа. Поправив их, он прикрикнул:

— С твоим здоровьем садиться за руль опасно! Ты только недавно из больницы выписался, как я могу не волноваться? Лян Чэн возит тебя без лишних слов, а из тебя претензии так и сыплются, как из рога изобилия!

Лян Чэн, задержавшийся из-за поисков парковочного места, вошел в зал, небрежно покручивая на пальце автомобильный амулет-оберег.

Цяо Юаньлинь тут же воззвал к нему:

— Брат, ну скажи ты ему!

Лян Чэн уселся за стол и ответил совершенно невпопад:

— Давайте возьмем не слишком острый.

Когда принесли котелок-юаньян, разделенный на острый красный и пресный белый бульоны, Цяо Юаньлинь тут же прикусил язык. Он придвинулся к неострой части и принялся уплетать нежную говядину и сочную баранину, не отвлекаясь на разговоры.

Хэ Цзе поинтересовалась:

— Какие у вас планы на День образования КНР?

— Мне придется работать, — вздохнул Цяо Юаньлинь. — Еду на два дня на остров Линхай на съемки, так что совмещу приятное с полезным.

Лян Чэн добавил:

— У меня операции и дежурство, так что отдохну только после праздничной недели.

Полноценных праздничных выходных не предвиделось ни у кого, так что этот ужин стал для них досрочным торжеством. Объевшись до отвала, Цяо Юаньлинь, решив до конца разорить Цяо Вэньюаня, заказал на вынос еще и порцию рисовых пирогов в коричневом сиропе.

В самый день праздника у паромного причала царила суматоха. Проход для местных жителей пустовал, тогда как в терминале для туристов уже с шести утра яблоку негде было упасть.

А ведь когда-то на одном пароме едва ли набиралось с десятков пассажиров, и матросы от безделья только и думали, как бы собраться в кружок и перекинуться в карты. Сойдя с корабля, Цяо Юаньлинь поправил холщовую сумку через плечо, на которой была вышита надпись «Редакция программы "Бадатун"».

Весь остров преобразился до неузнаваемости: площадь расширили, оборудовали по последнему слову техники, улицы заполнили магазины и рестораны. Местные жители жили припеваючи, зарабатывая на гостевых домах.

Толпа, пришедшая встречать рассвет на пляже, еще не рассеялась. У пристани ряды старых рыбацких лодок, давно отслуживших свое, переоборудовали в стильную арт-зону.

Старые склады, стоявшие здесь когда-то, давно снесли, выстроив на их месте огромный парк развлечений на морскую тематику.

Руководитель проекта уже ждал у входа. Цяо Юаньлинь со своей группой направился к нему. Сойдя с экскурсионного электрокара, они пошли по территории, совмещая осмотр с обсуждением плана сегодняшней съемки.

Парк был наводнен отдыхающими: тут и там мелькали влюбленные парочки, компании студентов, семьи. Одни фотографировались, другие стояли в очереди за праздничными сувенирами, а вокруг всюду щебетала и радостно галдела детвора.

На свой третий день рождения Цяо Юаньлинь загадал желание: чтобы родители хотя бы раз сходили с ним в парк аттракционов. Но то у Цяо Вэньюаня не находилось времени, то у Линь Чэнби, и мечта так и оставалась несбыточной. Потом ему исполнилось четыре, затем пять, началась начальная школа, уроки и бесконечные кружки стали отнимать все силы — и свободного времени не осталось уже у него самого.

У главной аллеи высилась огромная скульптура в виде раскрытого словаря, на страницах которого была изображена карта-схема парка. Цяо Юаньлинь подошел ближе и сфотографировал ее, чтобы сверяться по ходу съемок.

Позади него сквозь праздничный гул прозвучал звонкий детский голосок:

— Мама, я хочу мороженое!

Женщина ответила:

— Я уже отправила папу купить, он сейчас принесет.

Цяо Юаньлинь сглотнул. И все? Вот так просто согласилась? Ему в детстве, чтобы получить мороженое, приходилось решать по пять дополнительных задач. Он до сих пор помнил, каким дураком выглядел, когда всхлипывал от обиды и считал примеры, размазывая слезы по лицу.

Повернувшись на звук голоса, который он узнал бы из тысячи без малейших усилий, он увидел неподалеку, в лучах солнца, Линь Чэнби. Она держала за руку маленького мальчика.

Мужчина с мороженым в руках подошел к ней и ребенку и нежно поцеловал женщину в щеку.

Счастливая семья. Настолько счастливая, что казалось, они и думать забыли о том, что было раньше.

Ноги сами понесли Цяо Юаньлиня вперед. Неисполненное желание трехлетнего ребенка осталось глубоким шрамом на всю его жизнь. В нем разыгралась дикая, безумная ревность, толкая его вперед с непреодолимым желанием разрушить эту чужую идиллию и потребовать свое.

— Мама...

Губы разомкнулись, но его голос прозвучал тихо и робко.

<http://bllate.org/book/18284/1753088>